

УДК 343.3/.7

Д. В. Лобач

*доцент кафедры теории и истории государства и права
Дальневосточного юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В современных условиях глобализации и усложнения международных отношений международный правовой порядок становится самостоятельным объектом политико-правовой охраны. В свою очередь, по мере развития международного публичного права, включая международное уголовное право, наблюдается процесс имплементации международно-правовых норм, регламентирующих политико-правовое запрещение и осуждение или устанавливающих уголовно-правовой запрет отдельных деяний, вызывающих озабоченность у всего международного сообщества, в национальное законодательство различных государств. В этом аспекте в уголовных законах ближнего и дальнего зарубежья появляются главы и разделы, содержащие нормы о преступлениях против мира и безопасности человечества. В контексте сказанного вызывает особый интерес национальный опыт уголовно-правовой борьбы с преступлениями данной категории в Российской Федерации и Республике Беларусь, так как оба государства относятся к романо-германской правовой семье, имеют общее историческое наследие и близкие социально-культурные корни, обуславливающие ментальное сближение двух государств.

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что международный мир и безопасность человечества регламентированы в качестве самостоятельных задач в уголовном законодательстве двух стран (ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 2 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Единственным отличием является то незначительное обстоятельство, что российский законодатель устанавливает обеспечение указанного объекта, а в белорусском законодательстве речь идет об охране. С этимологической точки зрения слова «обеспечение» и «охрана» отличаются, так как значение первого заключается в создании условий или применении мер или средств для чего-либо, а значение второго слова сводится к принятию комплекса мер по защите объекта от актуальных или потенциальных угроз. С позиции теории уголовного права и специфики регулируемых отношений оба понятия юридически

равнозначны. Вместе с тем в сравнении с российским законодательством данная задача в белорусском Уголовном кодексе поставлена на первое место по сравнению с остальными задачами, что подтверждает юридическую приоритетность и особую политическую важность. Собственно, по этой причине Особенная часть Уголовного кодекса Республики Беларусь открывается шестым разделом под названием «Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления».

Во-вторых, с позиции выполнения международных обязательств, связанных с борьбой с международными преступлениями, Республика Беларусь криминализовала в своем национальном уголовном законодательстве все четыре группы деяний, которые в силу особого характера общественной опасности вызывают озабоченность всего международного сообщества, в то время как в российском уголовном законодательстве все еще отсутствует норма, предусматривающая ответственность за бесчеловечные деяния, квалифицируемые как преступления против человечности.

В-третьих, с позиции юридической техники конструирование отдельных норм о преступлениях против мира и безопасности человечества в сравнении с российским законодательным опытом является более удачным. В этом плане обращает на себя внимание норма ст. 127 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающая ответственность за геноцид. В целом указанная норма является результатом имплементации правовых положений Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 1948 г. В то же время белорусский законодатель расширил перечень демографических групп, подлежащих уголовно-правовой охране, через указание на группы, определяемые на основе любого другого произвольного критерия. С подобным подходом следует согласиться, так как в действительности нельзя исключать совершение бесчеловечных действий, направленных на полное или частичное уничтожение демографических общностей, идентифицируемых по какому-либо другому социально значимому признаку (политическому, идеологическому, роду занятий, образу жизни, сексуальной ориентации и др.). Кроме того, белорусский законодатель криминализовал не только сам геноцид, но и отрицание геноцида белорусского народа, что является свидетельством политико-правовой защиты исторической памяти от угрозы забвения, актуальной в свете современных информационных спекулятивных форм воздействия на общественное сознание.

Также не без интереса будет отметить опыт белорусского законодателя в криминализации бесчеловечных деяний, совершаемых в условиях вооруженных конфликтов (военные преступления). В отличие от российского опыта

криминализации таких деяний, выразившегося в закреплении бланкетной нормы, отсылающей к международным договорам в системе международного гуманитарного права, белорусский законодатель пошел по пути широкого закрепления деяний, определяемых как военные преступления. Так, объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 135 и 136 Уголовного кодекса Республики Беларусь, содержит 22 деяния, квалифицируемые как военные преступления. Вместе с тем в нормах о преступлениях, совершаемых в форме агрессии, как в белорусском, так и в российском законодательстве с некоторыми исключениями законодатель текстуально повторяет нюрнбергскую модель преступлений против мира, однако в этих нормах отсутствует легальная дефиниция преступления агрессии, что с позиции принципа правовой определенности в правотворчестве является недопустимым, так как *de-jure* редуцирует регулятивное действие уголовного закона.

В-четвертых, в белорусском и в российском законодательстве в качестве преступлений против мира и безопасности человечества были криминализованы различные деяния, которые в теории международного права рассматриваются либо как конвенционные преступления, либо как деяния, которые хотя и не были криминализованы, но в силу их особой общественной опасности вызывают озабоченность у всего международного сообщества (международные неокриминальные деяния). При этом такие неокриминальные деяния, как наемничество (ст. 132, 133) и применение оружия массового поражения (ст. 134), включены в главу 18 «Военные преступления и другие нарушения законов и обычаев ведения войны», что демонстрирует регулятивное расширение белорусского уголовного закона в целях более эффективного противодействия бесчеловечным деяниям, совершаемым в условиях вооруженного конфликта.

В заключение следует отметить, что и белорусское, и российское уголовное законодательство регламентирует ответственность за деяния, определяемые как преступления, которые посягают на всеобщий мир и безопасность человечества. Вместе с тем криминализация таких деяний в сравнительно-правовом аспекте отличается, что обусловлено разными политико-правовыми и социально-культурными подходами в борьбе с подобными преступлениями.